

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

Взятие Казани

и другие войны
Ивана Грозного

Войны Древней Руси

Валерий Шамбаров

**Взятие Казани и другие
войны Ивана Грозного**

«Алисторус»

2014

Шамбаров В. Е.

Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного /

В. Е. Шамбаров — «Алисторус», 2014 — (Войны Древней Руси)

Первый русский царь Иван IV Васильевич взошел на престол в тяжелое для страны время. С юга России угрожали Крымское ханство и Османская империя, с запада – Польша и Литва, Швеция и Ливонский орден. С востока на русскую землю совершали набеги казанцы. Царю удалось справиться с вызовом враждебных государств. В 1552 году была взята штурмом Казань, два года спустя в состав русского государства вошло Астраханское царство. В 1561 году прекратил свое существование Ливонский орден, более 300 лет угрожавший северо-западной Руси. В сражениях с врагами Русь выстояла и приумножила свою территорию, присоединив Северный Кавказ, Ногайскую орду и Сибирское царство. А первый царь Иван IV за победу над врагами получил от народа прозвище «Грозный» – для врагов Отечества. О славных и героических страницах русской истории XVI века новая книга известного современного писателя Валерия Шамбарова.

© Шамбаров В. Е., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Взятие Казани и другие войны Ивана Грозного

Предисловие

Русь в кольце врагов

В 1454 г. пало последнее независимое православное государство – Византия: в наказание за неумную политику и интриги Мухаммед II осадил и взял штурмом Константинополь, и на месте исчезнувшей империи раскинулась другая, Османская.

Однако в это же время стало усиливаться другое православное государство, Русь. Дед Ивана Грозного, Иван III Васильевич, стал объединителем и собирателем великой державы. Новгород, эпицентр сепаратистских тенденций, пытался сопротивляться, решил передаться под власть Литвы. Но Иван III в нескольких походах покорил его. Утратили суверенитет и слились с единой Русью Пермь, Вятка, Тверь. Сохранили формальное самоуправление, но фактически попали в зависимость от Москвы Псков и Рязань.

А в 1472 г. великий князь сосватал Софью Палеолог, племянницу последнего императора Византии, после турецкого завоевания жившую в Риме. Идею брака с энтузиазмом подхватил папа Сикст IV, который увидел в нем средство вовлечь Россию во Флорентийскую унию. С Софьей был отправлен в Москву римский легат, который должен был «заблуждающимся указать путь истинный». Но такого «приданого» Иван Васильевич не принял. Легату в России вернуться не позволили и вежливо спроводили назад. Да и Софью не очень-то прельщала роль папской «тройной лошади» – разве не лучше было стать полноправной государыней Руси? На новой родине она стала искренней и ревностной почитательницей Православия. А Иван III таким образом породнился с угасшей императорской династией и ввел в свой герб византийского двуглавого орла – наряду с прежним гербом, изображавшим св. Георгия Победоносца.

Возвышению Руси способствовал и распад Золотой Орды. Ее уже полтора века раздирали склоки между различными группировками татарской знати. От Большой (Сарайской) Орды отпали Казанское, Крымское, Астраханское ханства, несколько ногайских орд. В этой обстановке Иван III повел мудрую политику и заключил союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, воевавшим против Сарая. А вскоре Крым приобрел еще более сильного покровителя. Когда сарайские татары учинили набег, разгромив крымских, Менгли-Гирей бежал к туркам и признал себя подданным султана. В 1475 г. в Крым прибыла османская экспедиция, восстановила хана на престоле, а заодно овладела генуэзскими и последними византийскими городами.

Русским союз с Менгли-Гиреем помог сбросить остатки зависимости от Орды. Решающее столкновение произошло в 1480 г. Хан Ахмат договорился с поляками и литовцами о сов-

местном походе на Москву. Однако крымцы произвел набег на Украину, не позволив королю Казимиру прислать войска. Полчища Ахмата были остановлены нашими ратниками в боях на Угре. А татары Менгли-Гирея вместе с присланными к ним царскими отрядами и казаками ударили по тылам врага, на Сарай. Ахмату пришлось поспешно отступить, вскоре он был разгромлен и убит ногайцами. Дед Ивана Грозного впервые сумел отодвинуть на запад границу с Литвой. К началу его правления она пролегла совсем близко от Москвы, за Можайском. Великое княжество Литовское было весьма серьезным противником, имело сильных союзников – Польшу, Большую Орду, Ливонский орден. Но и Русь проявила свою силу и воинское мастерство. У Литвы удалось отобрать Вязьму, Дорогобуж, Брянск, Козельск, Белев, Тарусу и еще два десятка городов. Под власть Москвы перешли со своими землями черниговские, северские, стародубские, рыльские князья.

Печать Великого князя Московского и всея Руси Ивана III Васильевича. Прорись А.Г. Силаева

Иван III предпринял и первую войну за выход к Балтике. Всю торговлю на этом море монополизировала Ганза, не желавшая допускать конкурентов на европейские рынки. Когда на р. Нарове был построен порт Ивангород и русские суда вышли в море, их стали перехватывать, грабить и топить. В Ревеле (Таллине) наших купцов зверски казнили – сжигали, варили в котлах. После нескольких таких случаев Иван Васильевич изгнал ганзейцев из Новгорода и начал против них войну, заключив союз с Данией. Сражаться опять пришлось против целой коалиции. Вместе с Ганзой выступили Ливонский орден и Швеция – попытавшаяся отделиться от Дании. Но борьба завершилась «вничью». Шведы, потерпев ряд поражений, сочли за лучшее покориться датскому королю. Он, нарушив договор с Россией, вышел из войны. После чего и Иван III не стал продолжать ее. Но все же был достигнут важный результат – русские получили разрешение на свободную торговлю в скандинавских странах.

Восточными соседями Руси были Казанское и Астраханское ханства. Столицы этих государств были крупными и богатыми городами, центрами транзитной торговли со Средней Азией и Персией. Но сами ханства были не похожи друг на друга. В Астраханском правили потомки властителей Золотой Орды, враждовавшие с крымскими Гиреями. Их ханство было слабым и для войн привлекало ногайцев, кочевавших в волго-уральских степях. Хотя ногайцы жили сами по себе, у них были свои князья, и союзы с ними были делом ненадежным и опасным. Они вовсю грабили купцов на степных дорогах и на Волге, а под настроение нападали на саму Астрахань.

Обширное Казанское ханство охватывало значительную часть Поволжья и Урала, его населяли много разных племен – татары, черемисы (марийцы), чуваша, удмурты, башкиры, вотяки и другие племена. В этом государстве существовали пророссийская и антироссийская партии, но такое деление было, в общем-то, условным. Большинство вельмож, определявших политику ханства, хитрило и двурушничало. «Дружба» с русскими заключалась в том, чтобы

избегать ударов московских полков. Но если предоставлялась возможность напасть и пограбить, то почему бы и нет?

Чтобы обезопасить Русь от набегов, великий князь предпринял несколько походов на агрессивное Казанское ханство. В 1487 г. царские войска взяли штурмом Казань, пленили царя Али-хана и возвели на престол Мехмет-Амина, признавшего себя вассалом Москвы. Воеводы Ивана Васильевича совершали и рейды в Сибирь. Привели «под государеву руку» племена по Оби и Иртышу. Но это подданство осталось чисто формальным, ограничилось присягой местных вождей и единовременным сбором дани. Да и победа над Казанью оказалась непрочной. В 1504 г. Мехмет-Амин изменил, вырезал русских купцов, приехавших на ежегодную ярмарку, и возобновил набеги.

* * *

27 октября 1505 г. государь всея Руси Иван III Васильевич отошел в мир иной. На престол вошел сын Василий III Иоаннович.

Василию III пришлось воевать не меньше, чем его отцу. Пока на троне был Иван III, побежденная Литва опасалась задираться, этому способствовал и брак короля Александра с дочерью русского государя Еленой. Но как только победитель умер, паны осмелели, принялись требовать, чтобы русские возвратили все завоевания, предъявили претензии даже на Псков и Новгород – поскольку новгородцы в свое время признали себя королевскими подданными. А в 1506 г. скончался король, которого жена хоть как-то удерживала от неосмотрительных шагов. Паны и католическая верхушка передали корону брату Александра Сигизмунду и литовские отряды ринулись на Русь. Жгли села, угоняли людей. Василий III в ответ направил свои рати, началась война.

Но главной неприятностью для России стало то, что на этот раз ей пришлось воевать не только с литовцами. Крымский хан Менгли-Гирей состарился, болел и фактически утратил власть. А его сыновья продолжать союзничество с русскими не собирались. Их обрабатывали литовские дипломаты, Сигизмунд согласился платить ежегодную дань в 15 тыс. золотых, чтобы они нападали на московские земли.

Еще при жизни Менгли-Гирея загоны крымских царевичей принялись тревожить рязанские, черниговские, тульские края. А после его смерти ханом стал Мехмет-Гирей. И повел он себя нагло и высокомерно. Объявил, что крымцы унаследовали власть ордынских ханов и вправе распоряжаться на Руси. Потребовал от Василия III платить дань, отдать Сигизмунду не только Смоленск, но и Брянск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль. Татарская конница приохотилась каждое лето налетать на южные русские области. Василию III приходилось отвлекать войска для прикрытия южных рубежей, а это не позволяло добиться решительного успеха в сражениях на западе.

А в затянувшуюся войну начали вмешиваться другие державы. Литовцам взялись помогать поляки, чешские и венгерские родственники Сигизмунда. В свою очередь и Россия искала союзников. Одним из них стала Дания. Другим союзником Руси выступил Тевтонский орден. Он решил сбросить зависимость от Польши, и магистр Альбрехт Бранденбургский обратился за помощью к великому князю. Но выяснилось, что орден слишком слаб, сами рыцари были уже не способны воевать и просили денег, чтобы набрать наемников. Тем не менее, Василий III послал им некоторую сумму, и Сигизмунд получил второй фронт.

Но и положение России внезапно усугубилось, она получила удар в спину. В Казани умер хан Мехмет-Амин, и Василий Иванович возвел на престол своего ставленника Шаха-Али. Но крымский Мехмет-Гирей организовал тайную операцию. В Казани активно действовала его агентура, составил заговор. В 1521 г. крымский хан прислал своего брата Сахиб-Гирея с войском, и в городе произошел переворот. Шаха-Али изгнали, Сахиб-Гирея объявили ханом.

И тут же, пока Москва не опомнилась, крымцы и казанцы с двух сторон вторглись на Русь. Поучаствовал и Сигизмунд, направил к Мехмет-Гирею литовские части и отряд казаков Дашковича. Великий князь спешно собрал на Оке войско, поручив командование своему брату Андрею Старицкому и Дмитрию Вельскому. Но они действовали отвратительно, расположили полки кое-как, а при натиске татар первыми побежали.

Армия была разбита, крымский и казанский ханы соединились под Коломной и двинулись на Москву. Василий III выехал в Волоколамск собирать войска, отзывая их с литовского фронта.

Татары обложили город, ханы остановились в царском селе Воробьеве, любуясь с высот на лежащую перед ними Москву. Тех, кто сунулся к Кремлю, остановила русская артиллерия. Но обнаружилось, что к осаде город не готов, в нем было мало пороха, продовольствия, и бояре выслали к Мехмет-Гирею делегацию с богатыми дарами. Хан тоже не хотел осаждать сильную крепость. Понимал, что это приведет к большим потерям, а тем временем подойдет великий князь с ратью и дело может плохо кончиться. Поэтому он удовлетворился дарами, но вдобавок потребовал, чтобы Василий III признал себя данником Крыма. Бояре без ведома государя поспешили выдать такую грамоту скрепив ее великокняжеской печатью.

После этого нашествия Василий Иванович пришел к выводу что продолжать войну на несколько фронтов нельзя. Предложил Сигизмунду возобновить переговоры. Состояние Литвы было плачевным, за 9 лет войны она была совершенно разорена, и 25 декабря 1522 г. было заключено перемирие. Смоленск остался за Россией. Высвободившиеся силы великий князь нацелил против татар. Казань и Крым теперь действовали вместе. Два хана возгордились, объявляли себя победителями России. Мехмет-Гирей переманил на свою сторону и Ногайскую орду и в 1523 г. вместе с ней захватил Астрахань. Три ханства объединялись – казалось, возрождается Золотая Орда! Когда Сахиб-Гирей узнал о взятии Астрахани, он так возбудился, что приказал убить приехавшего к нему московского посла и всех русских купцов, находившихся в Казани, – счел, что при таком могуществе с Россией можно уже не считаться.

Но торжество оказалось очень коротким. Позарившись на астраханскую добычу, союзники-ногайцы ночью напали на крымцев, зарезали Мехмет-Гирея и многих его воинов, а потом совершили набег на Крым. А Василий III не преминул воспользоваться моментом и направил армию на Казань. Русские полки лишь прошлись по неприятельской земле, разоряя ее в наказание за набеги. К столице ханства пока подступать не стали, зато заложили Василь-город на р. Суре (Васильсурск). Крепость стала форпостом для наблюдения за неприятелем, базой для последующих действий. Их было нетрудно предвидеть, и Сахиб-Гирей перепугался. На помощь Крыма теперь рассчитывать не приходилось, и он обратился напрямую в Стамбул. Объявил, что отдает ханство в подданство султану.

А в 1524 г. состоялся еще один русский поход на Казань. Теперь войска осадили сам город. Сахиб-Гирей сбежал в Крым. Казанцев это возмутило, они заявили, что такого хана знать не желают, и провозгласили царем его племянника Сафа-Гирея. Попытались было обороняться, но русская артиллерия открыла бомбардировку, крушила стены. Защитники запросили мира. Ходили слухи, что при этом воеводы во главе с Иваном Вельским были подкуплены, и они сняли осаду. Удовлетворились тем, что казанцы принесли присягу сохранять верность Москве, и Сафа-Гирей признал себя вассалом великого князя.

Но вскоре отношения с Казанью опять обострились. Хан Сафа-Гирей очень быстро нарушил клятву верности Москве. При его дворе появились крымские вельможи, а сторонников мира с Россией он из своего окружения выгнал. Женился на дочери ногайского князя, получив от него 30 тыс. воинов, и начал открыто готовиться к нападению.

Для начала Василий III сделал весьма мудрый ход, запретив своим купцам ездить в Казань. Хватит уже, их дважды там резали. К тому же транзитная торговля была главным источником ханского бюджета, и великий князь лишил его доходов. А вместо этого учредил

собственную ярмарку, у монастыря св. Макария Унженского под Нижним Новгородом. Пусть восточные купцы везут товары сюда и платят пошлины в русскую казну. Отсюда, кстати, начались знаменитые Макарьевские ярмарки.

А летом 1530 г. на Казань выступило русское войско. Сафа-Гирей успел подготовиться к схватке, значительно усилил городские укрепления, пришлось вести трудную осаду. Среди полководцев Василия III особенно выделялся князь Иван Оболенский-Телепнев по прозвищу Овчина. Под Казанью он командовал передовым полком, обнаружил, что защитники ночью заснули, поднял своих ратников. Воины тихо подобрались к деревянным стенам, подложили соломы, подожгли их и с криками ворвались в город. Возникла паника. Сафа-Гирей, узнав, что русские уже в Казани, ускакал на коне. Телепнев-Овчина погнался за ним с небольшим отрядом, но настичь хана не сумел.

А главные воеводы Вельский, Горбатый, Кубенский штурм не поддерживали. Мало того, в ночной суматохе они допустили нападение черемисов, захвативших русский обоз и 70 пушек. После этого Вельский вступил в переговоры и точно так же, как в прошлом походе, согласился снять осаду, если Сафа-Гирей подтвердит присягу великому князю. Современники подозревали, что казанцы опять «подмазали» воеводу. Василий III встретил его гневом, грозил суровым наказанием. Но... родился наследник. И Вельский был прощен вместе с другими опальными.

А Сафа-Гирей соблюдать мир вовсе не собирался. Как только ушли государевы войска, он осмелел, отказался подписать договор, вернуть пушки и пленных. Бесчестил послов великого князя, призывал убивать русских. Но это возмутило самих казанцев. Они понимали, что Василий III не остановится перед повторением удара. А ханство было разорено, у многих жителей русские захватили в плен родственников – получалось, что хан не думает об их судьбе. Москва на этом сыграла, поддержала недовольных. В результате в Казани произошел мятеж, крымцев с ногайцами перебили или изгнали, Сафа-Гирей бежал в Крым. А великий князь после переговоров возвел на казанский трон служилого татарского царевича Джан-Али.

В 1532 г. на Русь хлынули крымцы. Причем произошло это в неожиданное время. На исходе был август, Василий III собирался на охоту в Волоколамск. А надо сказать, что великокняжеские охоты отнюдь не были пустой забавой. Это был отпуск государей. Выезжали на них осенью как раз из-за того, что исчезала опасность татарских набегов, кончалась горячка других летних дел. Охоты верхом, на свежем воздухе позволяли укрепить здоровье перед зимой, когда придется подолгу находиться в закрытых помещениях. Великие князья отправлялись в путь со всем двором, дружинами – охоты были и воинскими тренировками, спланивали людей, помогали выявить их качества. Но они были и просто красивы, великий князь и его приближенные могли полноценно отдохнуть и порадоваться жизни. Русские государи любили соколиные охоты, Василий III предпочитал псовые.

Двор уже находился в ожидании, шли сборы – и вдруг поступили донесения, что орда подступила к Рязани, сожгла посад и была отбита при штурме города. Великий князь отреагировал мгновенно. Приказал боярам готовить Москву к осаде, жителям – уходить в Кремль. А сам выехал в Коломну, выдвигая войска навстречу неприятелю. Отряды конницы были посланы за Оку вести разведку и добыть «языков». Далеко идти им не пришлось. Князь Палецкий столкнулся с татарским загоном и разгромил его. А Телепнев-Овчина с московскими дворянами обнаружил авангарды врага у Зарайска. Атаковал, обратил в бегство, многих порубил и потопил в р. Осетр. В преследовании его отряд нарвался на главные силы крымцев, но храбро принял сражение и сумел отбиться от многократно превосходящего противника. А татары сочли, что за Телепневым идет вся рать Василия III, и повернули назад, в степи. Однако освободить пленников не удалось, и Сахиб-Гирей хвастался, что угнал не менее ста тысяч невольников.

Чтобы предотвратить подобные бедствия в будущем, было решено строить засечные черты. В лесах рубились завалы из деревьев. На открытых местах копались рвы, насыпались валы с палисадом. Эти системы оборудовались на огромном пространстве: от Рязани к Веневу, Туле, Одоеву и до Козельска. Конечно, прикрыть такую протяженность войсками было невозможно. Но расчет строился на том, что засеки станут препятствием для конных масс. Татарам потребуется задержаться, чтобы устроить проход. Набег потеряет внезапность, к угрожаемому участку можно подтянуть рати. На обратном пути такие системы тоже приостановят врага, это позволит отбить полон. А наблюдать за чертами и предупреждать об опасности должны были рязанские, мешерские казаки и прочие приграничные жители.

Следующий год выдался спокойным. Татары не наведывались, дела шли успешно. 25 сентября, день памяти св. Сергия Радонежского, государь со всей семьей провел в Троице-Сергиевом монастыре. Вместе молились, прикладывались к гробнице преподобного.

После праздника распрощались – Василий III поехал в Волоколамск на охоту, не удавшуюся в прошлом году. Но вскоре у него обнаружился нарыв на бедре. Великий князь какое-то время пытался терпеть, не обращать внимания. Однако нарыв был болезненным, и призывали иностранных докторов Люева и Феофила. Хотя стоит отметить, что европейская медицинская наука пребывала еще в зачаточном состоянии. Полезные знания мешались с суевериями, наряду с лекарственными растениями применялась всякая гадость. Западные врачи и своих-то монархов нередко спроваживали на тот свет, и их называли «помощниками смерти». А насчет стерильности вообще не имели понятия. При лечении Василия Ивановича в рану занесли заразу, началось воспаление.

Раз за разом выпускали гной, но болезнь прогрессировала. Государю становилось все хуже, и наконец он понял, что ему не выкарабкаться. Он был сильным и мужественным человеком, стойко переносил жесточайшие страдания. И приближение смерти воспринял как истинный православный человек. Но душа его была не спокойна. Совсем не спокойна. Он не был уверен в своем собственном окружении! Князья и бояре демонстрировали верность, пока он был в силе, но как они себя поведут без него? Василий Иванович очень сомневался в них.

Откуда это известно? Конечно, ни один источник не зафиксировал мыслей великого князя. И все же летописи сохранили однозначные доказательства: государь знал или подозревал, что среди его приближенных есть скрытые враги. Посудите сами: с Василием III в Волоколамске находились брат Андрей Старицкий, князья Вельский, Шуйский, Кубенский, но государь скрывал от них свое состояние! Вызвал вдруг к себе Михаила Глинского. А ведь он после освобождения из тюрьмы оставался на вторых ролях, не занимал важных постов. Видимо, теперь великий князь счел, что близкий родственник жены не предаст.

Василий III отправил в Москву стряпчего Мансурова и дьяка Путятину – привезти завещания своего отца и деда. Но опять же, отправил тайно, об этом знал лишь ближайший доверенный государя – Шигона. А самим Мансурову и Путятину запрещалось разглашать цель поездки. Однако правда все же просачивалась. Ее откуда-то узнал Юрий Дмитровский. Он сразу же поспешил к брату, но великий князь почему-то не пожелал, чтобы он находился рядом. Заверил его, что выздоравливает, и отослал обратно. Хотя на самом деле он был уже обречен и знал это. Велел везти себя в столицу.

Лед на Москве-реке был еще тонким, для Василия Ивановича навели мост, но делали наспех, и он провалился. Дворяне из свиты сумели обрубить гужи лошадей и удержали на руках сани с больным. А государь запретил наказывать строителей. Последний акт трагедии разыгрался в Кремле. Сразу же только-только принесенный в свои покои великий князь собрал у постели митрополита Даниила, бояр и велел дьякам составлять новое завещание. Составлять при всех! Очевидно, чтобы его не могли оспаривать. Наследником назначался сын Иван, до пятнадцатилетнего возраста он должен был находиться на попечении матери и опекунского совета.

Василий Иванович изнемогал, но 3 декабря, чувствуя скорый конец, опять собрал бояр, четыре часа говорил с ними о предстоящем правлении. А троицкого игумена Иоасафа просил: «Отче, молись за государство, за моего сына и за бедную мать его... молитесь о младенце государе!» И лишь после того, как были обсуждены все дела, Василий III велел привести сына и жену. Ивана принес на руках Иван Глинский, брат государыни, отец благословил наследника крестом св. Петра. Елену привели под руки. Она, разумеется, знала, что муж умирает. Билась в истерике – а Василий даже нашел в себе силы успокаивать ее, уверял, что чувствует себя лучше. Но мамке Аграфене Челядниной великий князь приказывал «ни пяди не отходить» от ребенка. Он боялся за наследника... Елена хотела остаться с мужем до конца, но он понимал, насколько это будет тяжело, жалел ее и приказал уйти.

Еще раньше государь принял решение перед кончиной постричься в монахи, и сейчас для этого пришла пора. Он ненадолго забылся, а когда проснулся, стал рассказывать, что ему явилась св. великомученица Екатерина. Принесли ее икону, Св. Дары, чтобы причастить государя. Но Василий III еще не успел уйти из жизни, когда его опасения начали сбываться. С ним уже перестали считаться, его распоряжения игнорировались! Он просил пострижения, митрополит готовился начать обряд. А группа бояр во главе с Андреем Старицким внезапно воспротивилась, старалась не допустить этого. Хотя, казалось бы, какая им была разница, умрет Василий мирянином или монахом?

Государь отходил, над ним читали канон на исход души, он шептал молитвы немеющими губами, целовал простыню, ожидая обряда. А рядом с ним разыгрывалась безобразная сцена. Бояре шумели, орали, спорили, не обращая никакого внимания на умирающего. Андрей Старицкий и Воронцов принялись вырывать у митрополита монашескую ризу, и Даниил умиротворил их только угрозой проклятия: «Не благословляю вас ни в сей век, ни в будущий!..» После этого пострижение пришлось производить спешно. В суматохе обнаружили, что забыли мантию для нового инока, и троицкий келарь Серапион отдал свою. И великий князь Василий, ставший иноком Варлаамом, ушел в мир иной.

* * *

Что же представляло собой Русское государство, когда во главе его оказались ребенок и молодая мать? Правительства в той форме, в какой мы привыкли воспринимать его – с министерствами или ведомствами, разделенными по направлениям деятельности, еще не существовало (впрочем, таких правительств не было и в других странах). Главных органов управления на Руси было два – государев двор и Боярская дума. Двор в узком смысле представлял собой личное хозяйство великого князя и людей, которые руководили им. Но ведь и вся Русь была большим хозяйством, вверенным ему от Бога. И те же лица, которые входили в двор государя, составляли аппарат его власти.

Самым важным был пост дворецкого – управляющего двором. Это был начальник канцелярии великого князя, глава администрации. Но еще выше по рангу считался конюший – его чин в русской иерархии был самым старшим. Он заведовал государевыми конюшнями, но он занимался и закупками лошадей для казенных нужд, инспектировал кавалерию, ведал заготовками фуража, а также доходами, которые шли на эти нужды. При дворе были также постельничий, оружничий, казначей, кравчий, ловчие, ясельничие. И если постельничий ведал государевой спальней, а кравчий на пирах выступал виночерпием, то этими функциями их полномочия не ограничивались. Такие чины знаменовали степень доверия государя, их обладатели получали важные назначения по военной или административной части.

Из юных аристократов набирались рынды – почетная охрана монарха на торжественных выходах, а в походах – его оруженосцы. Иногда это было первой ступенькой карьеры знатных лиц. Еще одним низшим придворным чином являлись стряпчие (от слова «стряпать» –

делать). Они входили в свиту великого князя и выполняли его поручения. При дворе были и дьяки, профессиональные чиновники незнатного происхождения. Они служили секретарями, делопроизводителями, архивариусами. Уже выделялись специалисты в области дипломатии, финансов, но еще не составляли особых структур. Свои дворы имелись у жены и детей государя, у удельных князей – соответственно, со штатами придворных чинов и дьяков.

На Руси каждого человека оценивали в первую очередь по его роду. Высшей знатью было боярство. Оно сложилось из различных категорий аристократов. Бояре издревле служили при дворе великого князя Московского, были его советниками, воеводами. Их потомки в XVI в. представляли «старомосковское» боярство. Но по мере того, как другие княжества теряли самостоятельность, их князья со своими детьми, внуками начинали служить государю и тоже вливались в боярство. А ранг у них отличался в зависимости от многих факторов. Одни были потомками великих князей, другие – удельных. Одни добровольно уступали свои владетельные права Москве, другие лишались их в результате войн. И в сложившейся иерархии одни получались выше старомосковских бояр, другие ниже. В присоединенных княжествах были и свои бояре, часть из них пополняла московское боярство. В него добавлялись и знатные выходцы из Литвы, потомки знатных татар, перешедших на русскую службу.

Одежда бояр XVI в. (слева – полевое платье Бориса Годунова) и XVII в. (справа – изображение с портрета стольника Петра Потемкина)

Однако следует различать боярство в широком и в узком смысле. В широком это было аристократическое сословие Руси. В узком – члены Боярской думы. В нее попадали лица из данного сословия, но далеко не все, а лишь те, кого государь пожаловал в окольничие или бояре. Это были чины, а не титулы, по наследству они не передавались. Иногда их жаловали по знатности происхождения, старшим представителям рода. Иногда – за важные заслуги. Иногда по родству с государем: например, возвышались близкие его жены (это тоже считалось заслугой: помогли вырастить и воспитать достойную великую княгиню). При Василии III к боярам и окольничим добавился новый чин – думного дворянина.

Дума состояла из нескольких десятков сановников и была высшим законодательным, совещательным, судебным органом при великом князе. Формула того времени гласила: «Государь повелел, и бояре приговорили». Государь ставил вопрос, по которому нужно принять решение, и Дума, обсудив его, выносила приговор, приобретающий силу закона. Менее важные дела великий князь решал самостоятельно, обсуждая их с ближайшими советниками. Да и

вопросы, которые он поднимал перед Думой, требовалось сперва взвесить в более узком кругу. Этих советников иногда называли «ближней думой».

Родовая система породила явление местничества. Оно существовало и внутри семей: первое место занимал отец, за ним старший сын, второй сын. Для каждого было определено, сколькими местами выше или ниже его стоят дяди, племянники, двоюродные братья – в таком порядке, например, садились за общим праздничным столом. И во всем боярском сословии человек занимал четко означенное место: оно определялось, с одной стороны, его родом – знатностью предков, их заслугами, а с другой – его положением внутри рода. И согласиться пойти в подчинение к лицу, чье место ниже, было никак нельзя. Это роняло не только личную честь, но и честь всего рода. Ведь если А примет назначение под начало Б, на будущее создается прецедент, что род А ниже Б. Мало того, система родовых связей была сложной, переплетенной. В ней существовало сколько-то родов, равных Б или выше его. Стало быть, род А отбрасывался вниз по иерархической лестнице не на одну, а на несколько ступенек.

Если представитель боярского рода считал свое назначение «невместным», он бил челом великому князю, отказываясь исполнять обязанности. Причем сама должность в таких случаях не играла роли. Человек мог согласиться и на более низкую, но такую, где он не попадал в подчинение менее знатного. Государь в подобных ситуациях разбирался сам или поручал это Боярской думе. Когда выяснялось, что челобитчик прав, ему меняли назначение или меняли его начальника. Но тот, кто затеял спор напрасно, «выдавался головой» лицу, чьи права оспаривал. Формально это означало вообще отдачу в холопы, хотя реально ограничивалось унижением – проигравший шел пешком на двор победителя, кланялся до земли и получал прощение.

Дворянское сословие было ниже боярского и тоже составилось из нескольких категорий. В него отходили «захудалые» представители боярских родов, младших ветвей аристократии. К дворянам относились те, кто служил при государевом дворе, а также потомки людей, входивших в дворы ликвидированных княжеств. Дворянство различалось по месту жительства и службы. Так, московские дворяне считались выше «городовых». Но они и службы несли больше. Они находились под рукой великого князя, их в первую очередь поднимали в случае опасности, привлекали для встреч иностранных посольств, других заданий.

При Иване III сформировалось еще одно сословие – дети боярские. С боярами они в родстве не состояли. Просто до XV в. основой русской армии были дружины, которые содержали бояре-вотчинники. А рядовых дружинников называли «отроками» – или «детьми». Ликвидируя удельные княжества, а вместе с ними и удельное боярство, Иван III провел военную реформу. Бывшие дружинники стали получать поместья от государя. Каждые 2—3 года они обязаны были прибыть на смотр, им переверстывали земельные оклады, в случае войны выплачивали жалованье. И в документах XVI в. употреблялась разная терминология. Иногда выделяли дворян, а под детьми боярскими понимались мелкопоместные дворяне. А иногда детьми боярскими обозначали всех, кто служил с поместий, в том числе дворян.

По призыву государя они должны были прибывать сами, приводить вооруженных слуг. Именно за счет детей боярских Иван III получил мощную конницу, позволившую ему одолевать врагов. Но в составе вооруженных сил заметную долю все еще составляли дружины вотчинников, удельных князей. Использовались и корпуса татарской конницы. В разное время мурзы, царевичи из Орды и ее осколков переезжали на Русь, поступали на службу великим князьям, им давали владения в Юрьеве, Романове, Кашире, Касимове. Начальник касимовских татар носил даже титул царя. Но суверенной власти он не имел и царем был не наследственным, а служилым, назначался московским государем.

Пехота считалась вспомогательным родом войск. От хозяйств Церкви, монастырей, вдов, купцов (т.е. тех, кто сами не служат) на время войны привлекались посошные и даточные люди из крестьян – их использовали в обозах, для фортификационных работ и по окончании боевых действий распускали. А города присылали в войско пищальников – стрелков из ручного ору-

жия. Обращаться с ним умели многие, ведь при нападениях врагов все горожане выходили на оборону стен. И когда государь формировал армию, город выбирал пищальников по жребию или нанимал за деньги.

Русская артиллерия (ее называли «нарядом») была передовой для своего времени. Имелись великолепные литейщики, изготовлялись отличные орудия. Пушкари были профессиональными, хороших артиллеристов ценили, даже нанимали за границей.

На войне армия делилась на полки – большой (главные силы), правой руки, левой руки, передовой (авангард), сторожевой (арьергард). Воевода большого полка являлся главнокомандующим.

При Иване III начали формироваться воинские части из иностранцев. Кто-то попадал в плен и соглашался служить государю, приезжали европейские наемники. При Василии III эти части стали постоянными, их поселили в Замоскворечье. Немецкую слободу люди красноречиво прозвали «Налейки», потому что у русских пьянство отнюдь не приветствовалось. Варить пиво, употреблять крепкий мед, вино, водку позволялось лишь по праздникам и на семейные торжества. В прочих случаях за пьянство протрезвляли батогами, а подпольная продажа спиртного влекла тюрьму и конфискацию имущества. Но иностранные солдаты без выпивки не могли, и им в виде исключения позволяли гнать вино.

Глава 1

Война и измена

В регентский совет при ребенке-государе, составленный по воле Василия III, вошли Андрей Старицкий, боярин Захарьин-Юрьев, князья Михаил Глинский, Василий Васильевич и Иван Васильевич Шуйские, Михаил Воронцов, воевода Тучков. Вероятно, покойный отец хотел объединить вокруг наследника представителей разных боярских группировок. Вышло наоборот. Интересы членов регентского совета были слишком разными, и он получился практически нежизнеспособным. А вокруг престола сразу же начались интриги.

Вдова великого князя понимала, что положение и ее, и ребенка слишком шаткое. До нас не дошло портрета Елены Глинской, описаний душевных и деловых качеств. Летописцы давали крайне скудные характеристики русских деятелей, обычно они фиксировали только события. От них мы знаем лишь о красоте Елены. Но из самих фактов ее правления мы можем узнать и другое: она была очень умна. Ведь со времен св. равноапостольной княгини Ольги не было прецедента, чтобы на Руси правила женщина! Нет, по своим способностям и развитию русские женщины отнюдь не уступали европейским. Известны случаи, когда они управляли удельными княжествами, Марфа Борецкая возглавила борьбу Новгорода против Москвы. Мать Василия Темного Софья успешно замещала сына, когда он попал в плен. Но официально руководить всем государством – такого еще не было.

Вероятно, и муж, умирая, не думал о подобной возможности, поэтому старался подкрепить жену опекунами и родственниками. И бояре поначалу не видели в ней полноправной владительницы. Но она стала ею и с бременем власти вполне справилась. В пользу Елены сыграли неприязненные отношения, сразу же сложившиеся между Боярской думой и регентским советом. Дума была органом легитимным, с устоявшимися традициями, и двадцать бояр, входивших в нее, болезненно восприняли возвышение семерых опекунов, назначенных в суматохе у постели умирающего. Некоторые из них уступали по рангу другим аристократам, даже не являлись членами Думы. А Елена стала умело играть на этих противоречиях, лавировать между боярами и регентами, проводя свои решения.

Богатства, накопленные в казне бережливым мужем, правительница использовала только на нужды государства. Она, например, организовала масштабный выкуп пленных из татарской неволи. Для этого собирались и частные средства, подключалась Церковь, и архиепископ Новгородский свт. Макарий, приславший 700 руб. (очень большую по тем временам сумму), одобительно писал: «Душа человеческая дороже золота».

Елена затеяла еще одно дорогостоящее, но необходимое дело. Возможно, оно намечалось еще Василием III: Москва разрослась, а осада в 1521 г. и угроза нападения в 1532 г. показали, что крепость Кремля стала слишком мала для столичного населения. И было решено строить новые укрепления. В мае 1534 г. начали копать ров от р. Неглинной к Москве-реке. За месяц ров закончили, и под руководством архитектора Петрока Малого (перешедшего в Православие

итальянца) стали возводиться каменные стены, которые называли Китай-городом. Они имели четыре башни с воротами (Сретенскими, Троицкими, Всесвятскими и Козмодемьянскими), примыкали к цитадели Кремля и втрое увеличивали площадь защищенной части города.

Укрепление столицы было делом весьма своевременным. Ведь перемена власти на Руси не осталась и без внимания соседей. Швеция и Ливонский орден повели себя лояльно, направили послов с подарками и подтвердили мирные договоры. Принес присягу новому государю казанский хан Джан-Али. А вот ногайцы попытались нагнать. Их князь Шийдяк и калга Мамай угрожали, что у них 300 тыс. воинов, которые «летают как птицы» и могут нагрянуть в Москву. Требовали, чтобы малолетний Иван признал их «братьями и государями», равными ему по достоинству, и платил «урочные поминки», т.е. дань. Однако им ответили твердо: великий князь «жалует ханов и князей по заслугам», а дани не дает никому. И ногайцы удовлетворились тем, что им разрешили свободно торговать в России лошадьми, а они за это обязались помогать против крымцев.

Но правлением женщины и ребенка решили воспользоваться старые враги: крымский хан Сахиб-Гирей со своим калгой Исламом, польско-литовский король Сигизмунд. Татары требовали немислимых выплат (половину великокняжеской казны), но переговоры с ними даже еще не начались, когда их орды напали на Рязанщину. Воеводы Пунков и Гатев наголову разгромили их на р. Проне, однако это было только началом целой полосы войн. Сигизмунд потребовал вернуть все земли, отобранные у него Василием III. И тоже, не дожидаясь ответа, стал собирать армию, заключил союз с Сахиб-Гиреем.

Узнав об этом, Елена и бояре начали готовить полки на южных и западных границах. Но вскоре открылось, что Литва рассчитывала не только на свои силы и на татар, она позаботилась приобрести тайных союзников внутри России. Причем среди родственников великого князя! Младший из трех братьев Вельских, Семен Федорович, и окольный Иван Ляцкий, которым было поручено формировать части в Серпухове, поддерживали связи с Сигизмундом и вместе со своими дружинами и слугами бежали к нему... Точнее, заговор был куда более широким. В нем участвовали воеводы большого полка Иван Вельский и Иван Воротынский, сыновья Воротынского Михаил, Владимир и Александр (двое из перечисленных лиц, Ляцкий и Воротынский, фигурировали среди оппозиционеров еще при Василии III).

При наступлении литовцев последствия стали бы катастрофическими – изменники могли открыть фронт, передаться на сторону противника. Но заговор был раскрыт. Семен Вельский с Ляцким, почуввав опасность, удрали. Иван Вельский и Воротынский не успели, были арестованы. Правда, некоторые историки выдвигали версии, будто их посадили без вины, только из-за родства Ивана с перебежчиком Семеном, но это, конечно же, чепуха. Потому что третий брат, Дмитрий Вельский, ничуть не пострадал, остался в Боярской думе. Да и Владимир Воротынский в 1553 г. открыто признал, что он с отцом и братьями на самом деле участвовал в измене.

Впрочем, Вельского и Ляцкого не поддерживали даже их приближенные. Воины и слуги, когда их привели в Литву, заявили, что не хотят служить предателям, и ушли обратно на родину, ограбив своих начальников. Но Сигизмунд встретил беглецов как долгожданных дорогих гостей, чествовал их, дал богатые поместья. Они заверяли короля, что оборона России слаба, большинство знати и народа недовольны правлением Елены. И неприятель без объявления войны вторгся на нескольких направлениях. Войско Вишневецкого двинулось на Смоленск, армия Немирова – на Северщину.

Вскрывшийся заговор и перестановки военачальников привели к тому, что русское командование потеряло время, не успело оказать помощи пограничным городам. Тем не менее, наместник Смоленска Оболенский отразил натиск литовцев, разбил их и гнал несколько верст.

Войско Немирова подступило к Стародубу, сожгло предместья, но ратники князя Кашина отбросили врага от крепости вылазками и контратаками, захватили несколько пушек и заставили осаждающих в беспорядке отступить. Литовцы отыгрались, напав на маленький и

плохо укрепленный Радогощ, взяли его штурмом, воевода Лыков и все защитники погибли. Но когда ободрившиеся враги осадили Чернигов, они встретили серьезную оборону. Несмотря на бомбардировку из тяжелых орудий, воины и горожане во главе с князем Мезецким держались стойко. А ночью скрытно подобрался к литовскому лагерю и напал на него. Возникла паника, и неприятели побежали, бросив всю артиллерию и обоз.

Когда известия о боях дошли до Москвы, великому князю Ивану пришлось впервые, пусть и символически, принимать грозное решение. Собралась Боярская дума, и митрополит Даниил обратился к четырехлетнему ребенку: «Государь! Защити себя и нас. Действуй – мы будем молиться. Гибель начинающему, а в правде Бог помощник». И мальчик сделал то, что мог и обязан был сделать. Сказал слово, которое от него требовалось. Глубокой осенью 1534 г. русские рати выступили на врага. Главная армия наступала на Литву от Смоленска. Командовали ею Михаил Горбатый и Никита Оболенский, а Иван Телепнев мчался в авангарде с передовым полком. Вторая армия, его брата Федора Телепнева, двинулась от Стародуба.

Тактика похода была продумана грамотно. Русские полководцы учли, что на зиму литовская шляхта разъезжается по домам, а в случае опасности укрывается по крепостям, готовясь оборонять их. Но ввязываться в осады воеводы не стали. Рейд был рассчитан на подрыв экономики противника. Войска шли налегке, без артиллерии и обозов, довольствуясь за счет неприятельских ресурсов. Разоряли, жгли, грабили. Впрочем, даже польские хроники признавали, что церковью наши воины не трогали, а православных пленных отпускали. Ну а других жителей угоняли – война есть война, и не мы ее начали. Главные силы прокатились по окрестностям Орши, Борисова, Полоцка, Витебска, хозяйничали в 15 верстах от Вильно, вогнав в ужас короля и его двор. Вторая армия прошла вокруг Мозыря, Турова, Могилева. А в марте, пока не началась распутица, с большими трофеями возвратились на свою территорию.

Надежды Сигизмунда на крымцев не оправдались. В ханстве опять началась междоусобица, Ислам-Гирей выгнал Сахиб-Гирея из Бахчисарая, тот обосновался в Киркоре. Чтобы отработать деньги, полученные из Литвы, выслал мурзу Булгака, который вместе с литовцами напал на Северщину. Но основную часть воинов хан придержал, опасаясь соперника. А Ислам заверял московских послов, что восстал против хана только из-за дружбы с Россией, поэтому пусть ему заплатят побольше. Воспользоваться войной и напасть на русских были не прочь ногайцы, но их вполне нейтрализовали мешчерские казаки. И послы хана Шийдяка, недавно угрожавшего 300 тысячами воинов, наоборот, униженно жаловались боярам, что казаки им житья не дают, тысячами угоняют лошадей, захватывают пленных.

А боевые действия шли своим чередом. В кампании 1535 г. русские применили новую тактику. Так же, как и в прошлом году, был нанесен удар на северном фланге. Армией командовал Василий Шуйский, а Иван Телепнев – передовым полком. Конница опять неслась по Литве, разоряя ее. Но под прикрытием этой операции вторая рать вступила на литовскую территорию со стороны Пскова и на берегу Себежского озера заложила крепость Ивангород (Себеж). Неприятель прятался в своих городах и нашим ратникам не мешал. За месяц крепость отстроили, разместили в ней гарнизон, завезли запасы. А в результате русские урвали и закрепили за собой изрядный район литовских владений. Но и Сигизмунд не бездействовал. Он собрал сильное войско и нанес удар на южном фланге.

Но здесь требуется сделать одно пояснение. Когда в исторической литературе приводятся данные о численности русских и польско-литовских армий, к ним следует подходить осторожно. Дело в том, что отечественные летописи редко отмечали численность воинов, называли лишь воевод и полки. А понятие «полк» было растяжимым, оно означало любое крупное формирование от нескольких сот до десятков тысяч воинов. Поэтому историки берут цифры из польских источников. Хотя в них численность русских войск всегда преувеличивалась. Допустим, когда писали, что в 1534—1535 гг. Литву разоряли 150 тыс. русских, кто их там считал? Конные отряды рассыпались по всей стране, казалось, что они всюду, а у страха глаза велики. А

с другой стороны, численность литовских ратей приводилась не полностью. В счет шли только «рыцарство» (шляхта) и наемники. Но каждый шляхтич брал с собой на войну как минимум одного, а то и нескольких вооруженных слуг. И реальные цифры были значительно выше тех, которые указываются в хрониках.

Согласно этим хроникам, в 1535 г. на Русь двинулось 40 тыс. воинов (следовательно, 80—100 тыс.). В Москве учитывали возможность наступления на южные районы. На этот случай на Оке собиралась еще одна рать. Но и Сигизмунд совершил хитрый ход. Он перекупил русского «друга» Ислам-Гирея, и тот бросил татар на Рязанщину Полки Дмитрия Вельского и Мстиславского пришлось перенацеливать в другую сторону. Крымцев побили и прогнали. Но для Сигизмунда главное было достигнуто, русские юго-западные города своевременной помощи не получили. Войска литовского гетмана Тарновского и Острожского двинулись на Гомель. Воевода Оболенский-Щепин устранился и бросил крепость. Захватив этот город, королевские рати продолжили наступление и осадили Стародуб.

Это был довольно большой город, центр Северской земли. Возглавил оборону Федор Телепнев, брат фаворита Елены Ивана Телепнева. Его воины вместе с местными жителями храбро отбивались, отразили несколько штурмов. Но литовцы подвели подкоп и взорвали стену, в городе начался пожар. Телепнев даже в такой ситуации пробовал отбросить врага, дважды бросался в контратаки, прорывался до ставки неприятельских воевод. Одолеть он не смог, силы были слишком неравными, его окружили и смяли массами пехоты и конницы. Телепнев и князь Сицкий попали в плен, погибли князь Ромодановский и боярин Колычев.

Рассвирепевшие неприятели ворвались в город и резали всех подряд, не давая пощады никому. В Стародубе было истреблено 13 тыс. человек – и воины, и горожане, и спасавшиеся в крепости окрестные жители. Полегли вместе, устлав улицы горами тел, дружинники в иссеченных доспехах, сражавшиеся до последнего, зарезанные бабы, крестьяне и дети с проломленными головами. Пытавшиеся спастись запирались в домах и сгорели вместе с ними. А победители двинулись на Почеп. В нем гарнизон был небольшим, укрепления слабыми, и воевода Сукин сам сжег город, приказав населению уходить в глубь страны, закапывать или уничтожать запасы продуктов и фуража. На пепелищах Стародуба и Почепа пожить было нечем. Литовцы понесли серьезные потери, опасались подхода основных русских сил и отступили с Северщины.

Но тут еще одна угроза возникла на востоке. Крымский хан Сахиб-Гирей и его племянник Сафа-Гирей хоть и были заняты сварам с Ислам-Гиреем, не забывали про Казань. Туда засылалась агентура, велись тайные переговоры со знатью. И не без успеха. Казанцы успели оправиться от ударов государевых ратей, а смерть Василия III и война с Литвой вселяли надежды, что теперь-то можно действовать смелее. Заговорщики произвели переворот, убили Джан-Али и призвали на царство Сафа-Гирея, который тут же и явился с отрядами крымцев. Джан-Али был женат на дочери ногайского князя Юсуфа Сююн-бике, но ей убийцы мужа зла не причинили. Напротив, выдали замуж за нового хана, чтобы и ногайцев привлечь к войне против русских. Наша страна очутилась в окружении.

В 1536 г. в Русско-литовской войне наступил перелом. Сигизмунда крайне раздражала крепость Себеж, построенная на его земле. Но именно на этом строился расчет русского командования – спровоцировать удар. Литовцев здесь ждали, крепость была хорошо оборудована, имела сильную артиллерию и гарнизон во главе с князьями Засекиным и Тушиным. В феврале армия воеводы Немирова из 20 тыс. «рыцарства» (т.е. около 40—50 тыс. воинов) осадила Себеж. Паны подвезли тяжелую артиллерию, открыли бомбардировку. Но в перестрелке русские пушки сразу же стали одерживать верх. Метко поражали батареи, лагерь осаждающих. Потом наши ратники предприняли вылазку. Враги не выдержали, дрогнули и начали отступать.

Русские воеводы умело воспользовались этим и, не давая врагу опомниться, нанесли контрудар всеми силами. Литовцы и поляки побежали, и их загнали на лед Себежского озера.

Под тяжестью облаченных в доспехи тысяч людей коней лед треснул, стал проваливаться. Наши воины рубили неприятелей, расстреливали из пушек и пищалей. Бегущие тонули, а те, кто сумел выбраться из воды, замерзали в окрестных лесах. Разгром был полным. Немиров едва ускакал на коне, его армия погибла почти вся. В Москве праздновали победу, трофейные пушки и знамена выставили для показа народу. Истребив под Себежем цвет шляхты, русские нанесли ответный удар – конница опять прошла разорительным рейдом до Любеча и Витебска. В это же время восстанавливались погибшие города, Стародуб и Почеп.

Гетман Ян Тарновский и пленный князь Фёдор Овчина-Оболенский во время осады Стародуба (1535)

А кроме того, правительство Елены продолжило успешную практику строительства крепостей на неприятельских землях – вслед за Себежем возникли Велиж и Заволочье. Итальянец Руджиери, побывавший в России, писал, что такие операции проводились «с невероятной быстротой». Русских мастеров он уважительно именовал «инженерами», они осматривали местность, на своей территории рубили бревна, вели подгонку, разметку. Спускали заготовки по реке до нужного места, по знакам на бревнах «в один миг соединяли», засыпали ряжи землей. «Король польский получит только известие о начале строительства» – а крепость уже «оказывается столь крепка и внимательно охраняема, что, осажденная громаднейшим королевским войском, испытывая храбрые нападения, мужественно защищается и остается во владениях Москвы». И граница сдвигалась на запад...

Литовской дипломатии удалось примирить и нацелить против России крымских властителей Сахиба и Ислама, они напали на Белев, но тоже были разбиты. И Сигизмунд запросил мира. Но и Елена не была настроена продолжать войну – на Русь начались нападения с востока. Казанский царь Сафа-Гирей призвал ногайцев, собрал башкир, черемисов. Когда узнали о его приготовлениях, была выслана рать под командованием Гундорова и Засецкого. Но они встретили орды татар, уже вторгшихся на русскую землю, и поспешили отступить, даже не доложив в Москву о нашествии. Воеводы Нижнего Новгорода также не решились вступить в бой. На это отважились лишь жители Балахны, вооружились и вышли в поле. Их разгромили и перебили. Казанцы принялись беспрепятственно грабить окрестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.